

## МОТИВ СЕМЕЙНОЙ РАСПРИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XIX-XX ВВ.: М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И М. ГОРЬКИЙ

Кудряшова А.А.

*ФГБОУ ВПО «Литературный институт имени А.М. Горького», Москва, Россия, (123104, г. Москва, Тверской бульвар, д. 25), e-mail: [alekshvan@yandex.ru](mailto:alekshvan@yandex.ru)*

---

Статья раскрывает сюжетобразующий мотив семейной распри в классике русской автобиографической прозы XIX-XX вв. Такой мотив рассматривается с точки зрения фундаментальных понятий литературоведения - стиля и пафоса. Новизна стилистического анализа связана с глубоким рассмотрением истока формирования отношения к семье в русской культурной традиции. Привлеченный эмпирический материал малых фольклорных жанров, а также выдержки из богословских трудов святителя Иоанна Златоуста убедительно раскрывают ключевую ценность семьи. Своеобразие автобиографического метода классиков XIX в. М.Е. Салтыкова-Щедрина и XX в. М. Горького заключается в нарушении традиционного представления о семье и ее устройстве. Мотив неоправдавшегося расчета инициирует приемы реалистического гротеска в стиле М.Е. Салтыкова-Щедрина. Мотив зависти определяет семейное нестроение в стиле М. Горького. Семантическая оппозиция дети/взрослые определяет систему семейных образов. Сатирический пафос создания семейства Затрапезных в прозе Салтыкова-Щедрина контрастирует с трагическим пафосом гибели семьи Кашириных в прозе М. Горького.

---

Ключевые слова: автобиографическая проза, мотив, первичное и завершающее события, индивидуальный стиль, пафос.

## THE MOTIVE OF FAMILY STRIFE IN THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE XIX-XX C.: M.E. SALTNIKOV-SHEDRIN AND M. GORKY

Kudryshova A.A.

*Literary Institute after A.M. Gorky, Moscow, Russia, (123104 Moscow, Tverskoy boulevard, 25), e-mail: [alekshvan@yandex.ru](mailto:alekshvan@yandex.ru)*

---

The article reveals the plot-making motive of family strife in the classics of Russian autobiographical prose of XIX-XX century. Such a motive is considered from the point of view of fundamental notions of literary style and pathos. The novelty of stylistic analysis is connected with deep consideration of formation source to the family in Russian cultural tradition. Attracted empirical material of small folk genre and excerpts from St. John Chrysostom's works of theology show key value of the family persuasively. The autobiographical method's peculiarity of M.E. Saltikov-Shchedrin - classic of the XIX century and M. Gorky - classic of XX century is in violation of traditional family's notions and its device. The motive of indefensible calculation initiates the techniques of M.E. Saltykov-Shchedrin. realistic grotesque style. The motive of envy defines a family disturbance in the style of M. Gorky. The system of family images is set with semantic children/adults opposition. The satirical Saltykov-Shchedrin's pathos of Zatrapeznii family creation in prose contrasts with M. Gorky's tragic pathos of Kashirin family death.

---

Key words: autobiographical prose, motive, primary and final event, individual style, pathos.

Универсальность темы семьи и рода в жанре автобиографической прозы определяет ее сюжетно-композиционную устойчивость. Несмотря на широкий интерес исследователей к жанру автобиографической прозы, проблема сюжетосложения, рассмотренная сквозь призму таких фундаментальных понятий в теории литературы, как стиль и пафос, остается неизученной. Предметом анализа данной статьи является мотив семейной распри как стержень сюжетного конфликта в автобиографическом повествовании. Такой сюжетобразующий мотив определяет семантическое сближение автобиографического

метода М.Е. Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине» (1887) и М. Горького в «Детстве» (1913) и выявляет их особое место в теории автобиографической прозы.

Продолжая традиции В. Гумбольдта, А.А. Потебни, академик П.Н. Сакулин выделял в понятии стиля смысловой элемент «образ идеи» или внутреннюю форму: «Именно то, что у всякого художника для общей всем идеи рождается особый образ <...> обуславливает возможность функционирования в словесном искусстве "вечных тем", "вечных героев" и т.п., а как итог — возможность сосуществования множества различных художников, каждому из которых присуща своя особая позиция в образном мировидении» [6, с. 8]. В теории литературы пафос (от греч. *pathos* — глубокое страстное чувство) определяется как «высокое воодушевление писателя постижением сущности изображаемой жизни» [7, с. 94].

Универсальность мотива рода в автобиографической прозе имеет глубокие исторические корни. Документальность «семейно-родового самосознания» (М. Бахтин) зарождается в римской автобиографии и реализуется в жанре «семейной хроники». Для русской автобиографической прозы значение семьи и ее мироустройства сложно переоценить. В русской народной традиции память «из рода в род» акцентирует главную ценность семьи в ее единстве и ярко транслируется в малых фольклорных жанрах: «Любовь да совет, так и нуждочки нет», «На что и клад, когда у мужа с женой лад», «Дом вести - не лапти плести», «Жена не рукавица, с руки не стряхнешь» [2, с. 342–343]. Важность и сложность домашнего уклада отражены в классическом труде «Домострой».

Историко-культурный контекст отношения к браку в православной традиции связан с трудами классика богословия — греческого Отца Церкви святителя Иоанна Златоуста. Его воззрения оказали значительное влияние на формирование духовно-нравственных основ отношения к семье. Перечислим наиболее значимые ценностные акценты в трудах святителя. Новозаветный мотив таинства получает особое развитие в богословском учении о семье и браке: «Великое таинство — брак. <...> не рассуждай о нем просто и как случится, не ищи обилия богатства, намереваясь взять невесту. Брак надо считать не торговлею, а союзом жизни» [3, с. 5]. Фольклорная линия «единодушия» также отражена в трудах свт. Иоанна Златоуста, который утверждает ее как ценность и главное богатство семьи: когда в супружестве сберегается мир и тишина, тогда и дети будут подражать добродетелям родителей, и «по всему дому будет процветать добродетель, и во всех делах будет благопоспешение». Основой гармонии в браке является «взаимное согласие и мир». Мотив единодушия обуславливает двоякую семантику брака, который может рассматриваться и как «пристанище», и как «кораблекрушение». В дальнейшем развитии «мысли семейной» особое значение приобретает неразрывная связь и равновеликость большого и малого. Свт. Иоанн Златоуст называет семью первоначалом всего мироустройства: «Мир состоит из городов,

города — из домов, дома — из мужей и жен; поэтому, когда настанет вражда между мужьями и женами, то входит война в дома; а когда они мятутся, тогда беспокойны бывают и города; когда же города приходят в смятение, то по необходимости и вся вселенная наполняется смятением, войною и раздорами...» [3, с. 5]. Такая мысль о взаимосвязи устройства всего, от малого до великого, также связана с новозаветной догматикой, рассматривающей семью как Малую Церковь. Выражение «Семья — Малая Церковь» восходит к посланию апостола Павла к римлянам, в котором он приветствует супругов Акилу и Прискиллу как домашнюю Церковь.

Для автобиографической прозы традиционен пафос лиризма, эмоциональная возвышенность, поэтизация мотива рода и образа семьи. Нарушение такой традиции определяет автобиографический метод М.Е. Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине». Яркий контраст образа семьи в автобиографической прозе С.Т. Аксакова и М.Е. Салтыкова-Щедрина нами рассмотрен в статье «Универсальные мотивы в русской автобиографической прозе XIX в.: особенности стиля С.Т. Аксакова и М.Е. Салтыкова-Щедрина» [4]. Экспрессивная оценка аксаковского детства есть на страницах «Пошехонской старины»: «Мне было уже за тридцать, когда я прочитал "Детские годы Багрова-внука" и, признаюсь откровенно, прочитал почти с завистью» [9, XVII, с. 64].

Характерно, что первое предложение «Пошехонской старины» — «Я, Никанор Затрапезный, принадлежу к старинному пошехонскому дворянскому роду» — созвучно аксаковскому пафосу гордости за принадлежность к дворянскому сословию, однако в дальнейшем точка зрения переключается, опровергая первичный посыл. Сатирическое отношение воплощается историей о несбывшемся расчете на выгодный брак, когда сорокалетний дворянин берет в жены пятнадцатилетнюю купеческую дочь «в чаянии получить за нею богатое приданое». Расчет не оправдался: «по купеческому обыкновению, его обманули». Такой мотив становится сюжетообразующим, приобретая определяющее значение в гротесковом создании образа семейства Затрапезных. Сатирический пафос окрашивает приемы реалистического гротеска, которые стилистически воплощаются в демонстративном нарушении принципов построения семейных отношений, являясь той аномалией, которая вопиюще противоречит естественным семейно-родовым отношениям: «Вообще говоря, несмотря на многочисленность родни, представление о *действительно* родственных отношениях было *совершенно чуждо* (курсив наш. — А.К.) моему детству» [9, XVII, с. 203]. Мотив неоправдавшегося расчета обуславливает семейный конфликт и носит сюжетообразующий характер.

Контраст образов отца и матери получает ключевое наполнение в четкой оппозиции разделения первичного мира семьи: «Отец по тогдашнему времени порядочно образован;

мать круглая невежда; отец вовсе не имел практического смысла и любил разводить на бобах; мать, напротив того, необыкновенно цепко хваталась за деловую сторону жизни, никогда вслух не загадывала, и действовала молча и наверняка...». Характеристика семьи Салтыкова-Щедрина представлена в «Воспоминаниях» Н.А. Белоголового: «Отец был столбовой помещик, женившийся на купчихе; от брака этого родилось 5 сыновей и три сестры. Семья была дикая и нравная, отношения между членами ее отличались какой-то зверской жестокостью, чуждой всяких теплых родственных сторон» [5, с. 20].

Центральным мотивом «Детства» М. Горького также становится *семейное нестроение*: «<...> дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды». Однако по сравнению с М.Е. Салтыковым-Щедриным конфликт обусловлен другим мотивом. В автобиографической прозе М. Горького семейная распря («Эко неумное племя», «окаянные, дикое племя» — точка зрения бабушки, «Братья, а! Родная кровь! Эх вы-и...» — точка зрения деда [1, XIII, с. 20]) инициируется мотивом зависти. Точка зрения мастера Григория выражает авторскую позицию: «Каширины, брат, хорошего не любят, они ему *завидуют* (курсив наш. — А.К.), а принять не могут, истребляют!» [1, XIII, с. 41]. Вопрос раздела имущества становится лейтмотивом сюжетной интриги. Возвращение матери с Алексеем в семью деда еще более драматизирует семейный конфликт и заостряет оппозицию в системе образов свой/чужой. Взрослая точка зрения повествователя передается словами Цыганка: «Ты — не Каширин, ты — Пешков, другая кровь, другое племя» [1, XIII, с. 44]. Ощущение героя «чужим среди них» также маркируется мотивом зависти, которое как ключевое чувство взрослых продолжает свое развитие в детских образах. Взаимный интерес Алеши и деда (внук «сразу почуял в нем врага», «явилось особенное внимание к нему, опасливое любопытство» [1, XIII, с. 18], а «дед следит за мною умными, зоркими зелеными глазами») формирует в дальнейшем сюжетном развитии их особые отношения с частыми беседами, которые вызывают «*зависть* других внуков (курсив наш. — А.К.)» [1, XIII, с. 21]. Так мотив зависти окрашивает детско-родительские взаимоотношения Кашириных и получает сюжетообразующее значение в развитии семейного конфликта.

Мотив семейного нестроения продолжает свое развитие в оппозиции дети/взрослые и окрашивается императивом в точке зрения бабушки, приобретая семантику не только оценки, но и наказа: «Вот что, Ленька, голуба душа <...> в дела взрослых не путайся! Взрослые — люди порченные; они богом испытаны, а ты еще нет, — и живи детским разумом» [1, XIII, с. 81]. Стилевое решение автора отражено в расширении семантической оппозиции дети/взрослые, получающей размах социальной катастрофы. Такая точка зрения автора реализуется и в малых прозаических формах — рассказах «Дед Архип и Ленька» и «Страсти-мордасти». Мотив угрозы взрослого мира отождествляется с социумом. В рассказе

«Дед Архип и Ленька» социальный конфликт выражен словами деда Архипа: «Ты — хилый ребеночек, а мир-то — зверь» [1, I, с. 146].

В «Пошехонской старине» конфликт дети/взрослые маркируется взаимным равнодушием («родительское равнодушие» [9, XVII, с. 49]) и определяет детскую точку зрения: «Мы только по имени были детьми наших родителей, и сердца наши оставались вполне равнодушными ко всему, что касалось их взаимных отношений» [9, XVII, с. 55]. Жажда обогащения и практическая хватка в образе матери и полное отсутствие этих свойств в характере отца обуславливают перераспределение ролей в семье и формируют следующие детско-родительские отношения: безотчетный страх перед матерью и полное безучастие к отцу, «который не только кому-нибудь из нас, но даже себе никакой защиты дать не мог» [9, XVII, с. 55].

Мотив семейной распри продолжается и в детях: мать разделяет их на любимых и постылых, и это разделение «не остановилось на рубеже детства, но прошло впоследствии через всю жизнь и отразилось в очень существенных несправедливостях» [9, XVII, с. 53]. Автобиографический факт разделения наследства в семье Салтыковых отражен в романе «Господа Головлевы», где прототипами Арины Петровны и Иудушки становятся мать писателя и брат Дмитрий. Интересно отметить, что мотив неравного отношения к детям прослеживается в том числе и у С.Т. Аксакова: мать более привязана к Сереже, бабушка и тетки — к сестре, однако конфликты взрослых не мешают детям сохранять близкие и доверительные отношения.

В автобиографической прозе М. Горького в развитии семейной распри ключевое значение приобретает мотив сиротства, который проигрывается в разных образах: деда («сирота, нищей матери сын»), бабушки («я ведь тоже сиротой росла, матушка моя бобылкой была»), отца («бездомный сирота»), матери и Алеши. Мотив сиротства не объединяет (как например, факт сиротства в автобиографической прозе Н.Г. Гарина-Михайловского: отец Тёмы Николай Семенович Карташев — сирота), а еще более усугубляет одиночество каждого из семьи Кашириных. Упрек бабушки в отсутствии жалости к сыну: «Нет, не любишь ты его, не жаль тебе сироту!» встречает ответ Варвары: «Отстаньте мамаша, <...> Я сама на всю жизнь сирота». Мотив сиротства получает конкретное и метафорическое значения в формировании образа семьи в автобиографической прозе М. Горького.

Особым нервом двух автобиографических повествований становятся взаимоотношения сыновей с матерями.

Приемы гротескного развертывания стилистически реализуются в прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина. Взаимоотношения матери и сына свидетельствуют об отсутствии каких-бы то ни было отношений: «<...> я прожил детство как-то незаметно, и не любил

попадаться на глаза, так что когда матушка случайно встречала меня, то и она словно недоумевала, каким образом я очутился у ней на дороге» [9, XVII, с. 207]. Именно поэтому ласковое слово чужих, например повитухи Ульяны Ивановны, подкармливание дворовых девушек, похвала учителя о. Василия впечатляет и «живо действует» на героя. Необходимо отметить, что в традиции жанра автобиографической прозы при ее документальности всегда остается место вымыслу в рамках поставленной художественной задачи (например, повесть «Детство» Л.Н. Толстого).

Особую оценку получает единственное упоминание о равнодушии как нарушении семейной традиции, когда маленький герой демонстрирует успехи в учебе: «За обедом матушка давала мне лакомые куски, отец погладил по голове» [9, XVII, с. 90], тетеньки-сестрицы одарили такими подарками, которые преподносились только в именины. В формировании детских впечатлений этот день также несет семантику исключительности: «Весь этот день я был радостен и горд. Не сидел по обыкновению, притаившись в углу, а бегал по комнатам и громко выкрикивал: "мря, нря, цря, чря!"» [9, XVII, с. 90]. Снижение семантики выражается эпитетом, который эмоционально окрашивает оценку автора-повествователя: «Матушка видела мою ретивость и радовалась. В голове ее зрела *коварная* (курсив наш. — А.К.) мысль, что <...> *я один* (курсив автора) из всех детей почти ничего не буду стоять подготовкою...», эта мысль «даже сделала ее нежною» [9, XVII, с. 94].

Сюжетная линия матери–сына становится нервом и автобиографического повествования М. Горького. Трагедия смерти отца и горе матери в инициации сюжетного развертывания формируют пространство сиротства героя. Изначально в развитии сюжета детская гордость за мать выделяет ее из всего окружающего мира, возводя в идеальную степень оценочного суждения: «Моя мать — самая сильная!» [1, XIII, с. 24]. Следующий фабульный эпизод порки переворачивает точку зрения автора-повествователя, снижая семантику от исключительной до заурядной: «Я запомнил: мать не сильная; *она, как все* (курсив наш. — А.К.), боится деда» [1, XIII, с. 28].

Ее особое положение в семье Каширина и любовь к ней деда не спасают от удушающей атмосферы, которая гасит живость и свежесть Варвары. Обратим внимание на первичное визуальное, и затем чувственное ощущение автора: «*Я видел, чувствовал* (курсив наш. — А.К.), как тяжело жить матери в доме деда». Портрет матери метафорично передает внутреннее состояние Варвары: «Она все более хмурилась, смотрела на всех чужими глазами, она подолгу молча сидела у окна в сад и как-то выцветала вся» [1, XIII, с. 136]. Изменение внешнего и внутреннего состояния матери («ходила непричесанная, в измятом платье», «все чаще сердилась» [1, XIII, с. 136]) вызывают чувство обиды сына и определяют его требование к идеальному образу матери: «Она всегда *должна быть* красивая, строгая,

чисто одетая — *лучше всех!* (курсив наш. — *А.К.*), «мать *должна быть* справедлива, *больше всех* (курсив наш. — *А.К.*), как в сказках» [1, XIII, с. 136]. Обратим внимание: не реальный образ — «была», а «должна быть» драматизирует конфликт желаемого и действительного, заостряя его до предельной степени. Требование «лучше всех», «больше всех, как в сказках» также семантически усиливает несбыточность мечты сына.

Мотив незащитности Варвары перед реальностью жизни сближает образ матери Алеши с героями малых прозаических форм М. Горького — дедом Архипом и матерью в рассказе «Страсти-мордасти». Беспомощность взрослых контрастирует с нарочитой взрослостью героев-детей. В повести «Детство» зрелость Алеши реализуется ролью старшего, который будет заботиться о матери: «Не выходи, пожалуйста, замуж, я сам буду кормить тебя!» [1, XIII, с. 168]. В рассказе «Страсти-мордасти» образ «взрослого» Ленки представлен разными ипостасями: снисходительного мужчины («Баба, ну и — глупая!» [1, XI, с. 373], опекающего родителя («Перестань, дурочка, водку эту глотить, богатая будешь» [1, XI, с. 373], сватающего и устраивающего жизнь матери («ловкая бабенка», «песен она знает тысячу» [1, XI, с. 378] и т.д. Подобная модель встречается и в повести «Детство» во взаимоотношениях Саньки Вяхиря (друга Алеши) и его матери. «Вчера моя мордовка опять привалилась домой пьянехонькая! — весело рассказывал он <...> Расхлебывала дверь, села на пороге и поет, и поет, курица!» [1, XIII, с. 190]. В рассказе «Страсти-мордасти» образ матери предельно заостряется, создавая ощущение нонсенса: она ребенок («смешная девчонка», «любит баловаться») и проститутка.

Повторное замужество Варвары определяет трагизм ее финала как краха всех надежд. Казалось бы, что ее слова сыну выражают надежду: «Вот скоро мы обвенчаемся, *потом* поедем в Москву, а *потом* воротимся, и ты будешь жить со мной. Евгений Васильевич очень добрый и умный, тебе будет хорошо с ним. Ты будешь учиться в гимназии, *потом* станешь студентом, — вот таким же, как он теперь, а *потом* доктором. Чем хочешь, — ученый может быть чем хочет» [1, XIII, с. 168]. Предощущение несбыточного, иллюзорного подчеркнуто неграмотностью фраз, а также лексическим повтором, отсылающим в бесконечность будущего — «потом», которое оформляется в детском сознании через образ-символ лестницы, ведущей «глубоко вниз и прочь от нее, в темноту, в одиночество». Такую же функцию выполняет яркая метафорика картины: мать под руку с Максимовым идет на венчание, «осторожно ставит ноги на кирпич тротуара <...>, — точно *она шла по остриям гвоздей* (курсив наш. — *А.К.*)» [1, XIII, с. 169]. Экспрессивность мотива мученичества как предощущение дальнейшего развития сюжетной линии Варвары. Завершающим событием, трагически обрывающим детство Алеши Пешкова, становится смерть матери.

Итак, сюжетобразующий мотив семейной распри сближает автобиографические методы М.Е. Салтыкова-Щедрина и М. Горького. Мотив неоправданного расчета инициирует гротесковое развертывание образа семейства Затрапезных. Мотив зависти определяет трагедию гибели рода Кашириных. Детско-родительский конфликт расширяется до социального уровня персонификации зла. Особым нервом автобиографического повествования становятся взаимоотношения сыновей с матерями. Мотив равнодушия драматизирует взаимоотношения Анны Павловны и Никанора Затрапезного в «Пошехонской старине» М.Е. Салтыкова-Щедрина, мотив сиротства определяет трагедию Варвары и Алеши Пешкова в «Детстве» М. Горького.

### Список литературы

1. Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. — М. : Художественная литература, 1951. - Т. I, XIII.
2. Живая вода // Сост., вступит. статья и прим. В.П. Аникина. — М. : Детская литература, 1977. — 367 с.
3. Иоанн Златоуст, Святитель. Да прилепится муж к жене своей // Святитель Иоанн Златоуст о том, какой должна быть православная семья. — М. : Домострой, 2009. — 32 с.
4. Кудряшова А.А. Универсальные мотивы в русской автобиографической прозе XIX века: особенности стиля С.Т. Аксакова и М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Угрюмоведения. — 2012. — № 2 (9). — С. 50-58.
5. М.Е. Салтыков-Щедрин в портретах и иллюстрациях. — Л. : Учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939. — 186 с.
6. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. — М. : Владос, 1999. — 358 с.
7. Пospelов Г.Н. Введение в литературоведение. Пафос и его разновидности. — М. : Высшая школа, 1988. — 588 с.
8. Сакулин П.Н. Теория литературных стилей. — М. : Государственная академия художественных наук, 1928. — 205 с.
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. Т. XVII. — Л. : Художественная литература, 1934.

### Рецензенты:

Гусев Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории литературы и литературной критики ФГБОУ ВПО «Литературный институт имени А.М. Горького», г. Москва.

Минералова Ирина Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI вв. ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва.